

К счастью, декрет предоставляет в наше распоряжение существенные просопографические данные, которые позволяют уточнить его довольно широко палеографическую датировку последней третью III в. до н. э.²⁰

И. Б. СРЕДИНСКАЯ, Л. Г. КЛИМАНОВ

«НЕРУШИМЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ТИБРСКОЙ АКАДЕМИИ» *

Пергамен с текстом публикуемого документа приобретен Н. П. Лихачевым, создателем уникальной коллекции, ныне хранящейся в Архиве ЛОИИ СССР АИ СССР, у римского антиквара с улицы Аракели, 16.¹ В архивном деле вместе с пергаменом лежит вырезка с аннотацией из торгового каталога. В ней много произвольного и неверного, однако вывод справедлив: «Документ важен также для истории римских академий, ибо эта — одна из тех, о которых не известно ничего».²

Действительно, «Установления Тибрской академии», возможно, не только единственное дошедшее до нашего времени, но и вообще единственное оставленное свидетельство существования одного из многочисленных рядовых немногочисленных ученых кружков XVI в. Из их незаметной деятельности складывалась сложная и напряженная духовная и интеллектуальная жизнь Рима и всей Италии в период работы Тридентского собора, положившего начало контрреформации. Тибрская академия 50-х гг. XVI в. не учтена в фундаментальном исследовании М. Майлендера, содержащем полную сводку известных сведений об итальянских академиях.³ Упоминаний о ней

²⁰ См. обоснование этой датировки и исторический анализ надписи: *Наденко В. П.* Материалы к «Корпусу латинских надписей Ольвии» // Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 4 и след.

* Публикация и перевод И. Б. Срединской, предисловие Л. Г. Климанова.

¹ Архив ЛОИИ СССР, западноевропейская секция, кол. 3. № 4/246. Пергамен, 31,5×50,5 см.

² В подтверждение приводим полный текст аннотации: *Baronio Cesare di Sora. Venerabile servo di Dio. Cardinale o celebre storico della Chiesa. Uno dei Compagni di San Filippo Neri. 1538—1607. «Academiae Tiberinae sanctiones». Fuerunt promulgatae soprascripte leges die prima Junii anno salutatis Millesimo quingentesimo quinquagesimo sexto. (1556). Doc. in pergamena f. dal Baronio. «Ego Caesar Baronio de Sora» e da altri 14 compagni accademici. (È lo statuto originale di questa academia fondata da Baronio (che aveva allora 18 anni) ed altri giovani studenti fra i quali Domenico Ghello, Pietro Griffius, Ippolito Pintasio, Fabritio Speculus, Flaminio Roscio, ecc. Importante documento anche per la Storia delle Accademie Romane, questa è forse una delle sconosciute).*

³ М. Майлендер приводит сведения только о той Тибрской академии, которая была создана в Риме 9 IV 1613 г. (*Maylender M.* Storia delle Accademie d'Italia. Bologna, 1930. Vol. 5. P. 310—317).

в литературе последних десятилетий по истории итальянских академий нет.⁴ Надо полагать, что и крупнейший знаток итальянских рукописей П. О. Кристеллер непременно внес бы и свой «Iter Italicum» любой документ, связанный с этим кружком, если бы таковой встретился ему в многолетних разысканиях в библиотеках и архивах.

Значение «Установлений» не ограничивается и не исчерпывается ни антикварной ценностью, ни мемориальной единственностью. Текст документа, дата его составления, имена участников кружка, оставивших свои подписи, расположение этих подписей на листе пергамента позволяют существенно прояснить наши представления о первых месяцах жизни в Риме известного впоследствии церковного деятеля и историка кардинала Чезаре Бароньо, подпись которого также стоит под текстом «Установлений».⁵

Со слов ранних биографов Ч. Бароньо и из его эпистолярия известно, что девятнадцатилетний Чезаре 20 октября 1557 г. выехал из Неаполи в Рим и 23-го написал отцу о приезде в вечный город. Уже в следующем месяце юноша на Соры познакомился с Филиппо Нери, сапожаром-панцем и мистиком, собиравшим вокруг себя лю-

⁴ Библиография попроси представлена в новейших работах советских историков. См.: Медведев И. И. К истории Академии degli Umoristi в XVII в. // Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1981. С. 110—116; Кудрявцев О. Ф. 1) Реформационное движение и академии в Италии // Средние века. М., 1984. Вып. 47. С. 153—165; 2) Идеал ученого сообщества и итальянских академиях XV—XVII веков и утопии // История социалистических учений: Сб. статей. М., 1984. С. 220—240; 3) От эрудитских собраний и научным сообществам: итальянские академии XV—XVII вв. // Средние века. М., 1985. Вып. 48. С. 176—194; 4) Гуманистические академии итальянского Возрождения // Культура Возрождения и общество. М., 1980. С. 71—76; Рилова А. Д. Флорентийская академия XVI века и позднее Возрождение // Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1981. С. 103—109.

⁵ Сомневаться в подлинности этих «Установлений» нет оснований. Во-первых, сравнение подписей Бароньо с его же подписью под письмом к отцу из Рима от 8 IV 1562 г. (Архив ЛОИИ СССР, западноевропейская секция, № 1/248) и другими его письмами (там же, № 2/246, 3/246, 5/240) показывает их идентичность. Подлинность письма к отцу заверена крупнейшими специалистами: префектом Ватиканского архива А. Тейнером, автором одного из продолжений «Анналов» Ч. Бароньо (26 IV 1857 г.), Дж. Калуджо, помощником библиотекаря библиотеки Ватикана в Риме, знатоком рукописей Бароньо (21 IX 1865 г.), и самим И. П. Лихачевым, специально занимавшимся вопросами подлинности и оставившим на полях с письмом красноречивую записку: «Дорогой автограф, но в таком виде, что возбуждает вопрос о подделке. Однако тщательное изучение говорит за подлинность. Автограф был написан чернилами и попал в сырость». Вопрос о подделке мог быть возбужден еще и потому, что И. П. Лихачев первым распознал подделки искусного фальсификатора итальянских автографов, работавшего во второй половине XIX в. (*Likhtschef N. de. De la contrefaçon des autographes italiens // L'Amateur d'autographes. Paris, 1902. A. 35. N. 4. P. 76—79*). Фальсификатором, как стало известно после его смерти в 1905 г., был пекий Джироламо Аматти, который не только торговал украденными документами, в том числе и подделками Ч. Бароньо, но и, возможно, подделывал автографы кардинала (*Petrusci A. Amati, Girolamo // Dizionario biografico degli Italiani. Roma, 1960. T. 2. P. 676*). И. П. Лихачев об этом знал и, надо полагать, учитывал такую возможность, как можно судить по его надписям на обложках некоторых архивных дел. Заключение такого специалиста тем более важно.

дей, искавших духовного наставничества и общения. В конце 1557— начале 1558 г. Ф. Нери создал так называемый Ораторий (вскоре ставший конгрегацией), где на ежедневных собраниях совместно читались и публично обсуждались произведения христианской литературы, а затем распевались священные песнопения, музыку для которых писал ватиканский хормейстер Джованни Анимучча. Ф. Нери, «апостол Рима» или, как его еще называли, «Сократ Рима», стал духовным наставником юноши из Соры, а в Оратории Цезаре счастливо обрел круг напряженного духовного общения и уметвенной работы, к которым с нарастающей потребностью стремился с юных лет. Это стремление и было одним из важнейших побуждений, приведших его в Рим.

6 января 1558 г. Ч. Баронно впервые по предложению Ф. Нери выступил в Оратории, и с этого момента все его силы и время были поглощены делами милосердия, работой в Оратории и учебой в Римском университете во исполнение воли отца, желавшего видеть сына юристом.⁶ В свете изложенного становится ясно, что только в течение первых недель пребывания в Риме — после 23 октября и до знакомства с Ф. Нери — молодой Баронно в деятельных поисках близкой ему по духовным запросам среды мог примкнуть к Тибрской академии, созданной за полтора года до его приезда в папскую столицу пятью римлянами, возможно, студентами Сapiенцы. (Выяснить это последнее предположение можно, лишь обратившись к спискам студентов, если таковые сохранились).

Расположение подписей в столбцах под текстом «Установлений» дает крайне мало оснований для суждений о работе кружка в эти полтора года. Спорили ли все это время учредители только друг с другом или же повсюду сходились на собрания? Во всяком случае уставного числа членов (10 человек) Тибрская академия достигла лишь с появлением в ней Баронно, при этом среди них — лишь двое членов-учредителей. Вероятнее всего, едва ли удастся узнать, как именно рост числа членов был связан с приходом Баронно в кружок и наступило ли при этом оживление в его работе.

В характере деятельности Тибрской академии — и это также возбуждает интерес к «Установлениям» — пока не просматривается никакой определенности, поскольку публикуемый текст не дает ответа на главный и существенный вопрос: что именно публично читывали на совместных собраниях и о чем спорили «академики»? Единственное предположение может быть основано только на приходе в кружок молодого Баронно, которого живо интересовала суть христианского вероучения и религиозности и истории церкви.

Авторы «Установлений» обратили свои усилия главным образом на регламентацию работы своей Академии и определение круга обязанностей ее членов и требований к кандидатам и членам, уделяв

⁶ Биографические сведения о Ч. Баронно см.: *Pincherle A. Baronio, Cesare // Dizionario biografico degli Italiani. Roma, 1964. T. 6. P. 470—478; Pullapilly C. K. Caesar Baronius Counter-Reformation historian. Notre-Dame (Indiana); London, 1975. P. 4—21.*

особое внимание обязанности всеобщего участия в работе кружка. Обращает на себя внимание изобилие руководящих должностей: на итальчленов-учредителей их было три, причем, это немало и для предельного уставного числа членов. Установление именно этих должностей и их названий — «ректор», «претор», «биделло» — свидетельствует, на наш взгляд, в пользу того, что создатели Тибрской академии могли быть студентами, равно как и в пользу их знакомства с обиходом современных академий. Особенно это относится к должности «биделло». Словом *bidellus*, по свидетельству ряда уставов академий и языковых словарей, в XVI—XVII вв. обозначалось и лицо, выполнявшее сугубо служебные функции в академиях;⁷ оно было в свою очередь заимствовано из бюрократического и церковного обихода, где «биделло» являлся либо низшим служащим при магистрате или государственном чиновнике, либо служкой в церкви.⁸

В то же время создатели Тибрской академии нимало не озаботились ни указанием цели создания своего кружка, ни формулированием его задач, ни определением круга своих групповых интересов, ни даже предназначением общей казны.⁹ Неизвестно и место сборов членов Академии, много целого и в регламенте работы, но это без труда заметит внимательный читатель. Укажем лишь на один пример. Установленный в разделе III претор затем появляется в разделе V, но так и остается неясным, кто именно его назначает или выбирает.

Тем не менее текст «Установлений» достаточно информативен и позволяет, сравнивая работу Тибрской академии, как она представлялась учредителям этого кружка (созданного несколькими римлянами, возможно, так и обреченными на безвестность, если бы не сохраненные временем «Установления»), с деятельностью известного в Италии Оратория Ф. Нори (собравшего изысканных представителей римской культурной элиты), сделать немаловажное наблюдение. И эфемерному кружку, и известной конгрегации была равно присущи некие общие черты, характерные для академий эпохи: ежедневность собраний, совместность и публичность работы, всеобщее участие членов в этой работе. Публикуемые «Установления» — совсем небольшое, но весьма обнадеживающее приращение наших знаний и представлений о насыщенной культуркой жизни Италии XVI в., побуждающее к дальнейшему ревностному изучению фондов западноевропейской секции архива ЛОИИ СССР АН СССР и убеждающее в том, что богатств его хватит еще не на одно поколение исследователей.

⁷ *Littre E.* Dictionnaire de la langue française. Paris, 1865. T. 1. P. 323; *Grimm J. u. W.* Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1880. Bd 7. Spalte 1523; *Rezzano G.* Dizionario del linguaggio storico ed amministrativo. Firenze, 1851. P. 103.

⁸ *Ducange C.* Glossarium mediae et infimae latinitatis. Editio nova. Niort, 1883. T. 1. P. 654; *Kottlitz C., Alessio G.* Dizionario etimologico italiano. Firenze, 1975. T. 1. P. 512—513; *Littre E.* Dictionnaire. . . P. 323; *Battaglia S.* Grande dizionario della lingua italiana. Torino, 1962. T. 2. P. 219—220.

⁹ Во многих академиях итрафы шли на устройство совместных трапез, как например в пенецианской академии Альдо Мануцио. См.: *Maylender M.* Storia delle Accademie d'Italia. Bologna, 1926. Vol. 1. P. 125—130.

ACADEMIAE TIBERINAE SANCTIONES

Nos Petrus Griphius romanus rector, Franciscus Paparonius romanus bidellus, Iohannes Dominicus Ghoffus romanus, Gaspar de Mercado romanus, Hippolitus Pintassus romanus animadvertentes tantum authoritatis leges obtinere, ut his civitates fundentur et in perpetuum tranquillitatis statum omnibus turbinibus ac processis expulsis serventur opere pretium esse duximus nostram Academiam harum sanctionum fundamentis Deo favente munire.

[1] De Academia titulus primus.

Academiam nostram ad decimum tantum numerum academicis repleti sancimus.

Illud vero imprimis decernimus, ut vicissim quilibet lectionibus sive disputationibus exercentur, prout per id tempus extet consuetudo.

Ex his vero qui in nostro numero non sunt conscripti nemo academiam ingrediatur nisi consensu rectoris praecedente.

[2] De academicis admittendis titulus II.

Qui in academicorum numero conscribi cupit, hoc ordine recipiatur. Primum discutiat rector an presentatione dignus sit quod si censatur idoneus, proponat eum rector, mox ipse suam orel causam, sit autem uniuersae facultas libere dicendi siquis admittatur, aliquid dicere cupit: habitis deinde comitiis duabus ex tribus partibus approbantibus admittatur.

[3] De creandis magistratibus titulus III.

Decernimus in Academia nostra rectorem unum, praetorem unum, bidellum unum, quos ingenio florentes cupimus.

Rector ita creari debet ut sorte nomen ex urna extrahatur.

Bidellum rector eligat cuius officium cum rectoris potestate finiat.

Hos autem magistratus singulo quintodecimo die creari volumus.

[4] De officio rectoris titulus IV.

Rectoris officium est academiae curam habere, tueri voluntibus conclusiones, authoritatem praestare, custodiri leges, seruari silentium, seditiones extinguere.

Rector poenas accipiat, quas bidello consignet.

Illud sciendam est rectoris suffragium duorum vicem habere.

[5] De officio praetoris titulus V.

Praetoris imperium in disputatione tantum extendatur, qui inter se clamantium potius quam disputantium lites componat.

[6] De officio bidelli titulus VI.

Nunciet bidellus disputandarum conclusionum dies, item comitiarum dies declarat, quem rectoris iussui audientissimum cupimus.

Cum comitia habebuntur erit eius officium accipere suffragia publice ostendere ne quid fraudis adhibeatur.

Poenas academicorum a rectore exigat, quas in erarium conferat, cuius custodiam habeat.

[7] De officio academicorum titulus VII.

Rectorem academici debito honore prosequantur, invicem autem mutua coniungantur benevolentia, ut penitus iurgia, irae ac seditiones evitentur.

Id etiam constituimus ut per singulos menses bis academici proposita aliquot non minus quinque vicissim ad disputationem revocent.

Singulis diebus unusquisque duo ad minus argumenta in medium afferat.

Hunc ordinem in disputationibus servari volumus primum locum in disputando rector obtineat, reliqua vero loca sortis ordine tribuantur, nemo vero audeat se immiscere aliorum argumentis donec eis responsum fuerit.

Academiam nostram nemo cum armis ingrediatur.

[8] De poenis titulus VIII.

Quicumque hora consueta ad academiam non pervenerit in poenam quinque obolorum incidat, atque hoc in his sancimus, qui lectionem eo die non sunt habituri si vero in qui lectionem habiturus est non venerit poena ei duplicetur.

In publicis autem diebus si is qui publico est disputaturus non venerit in quadruplum condemnetur, caeteri vero in duplum.

Siquis in dandis suffragiis fraudem adhibuerit ut improbus eiciatur.

Siquis ab arguendi munere destitorit in simplum condemnetur, quod si ter destitorit ut inutilis eiciatur.

In legibus addendis comunem consensum adhiberi in detrahendis autem omnes consentire decernimus.

Harum autem legum rectorem iudicem esse volumus.

Ego io Dominicus Ghellus rector
Ego Gaspar de Mercado bidellus
Ego Petrus Griffius romanus
Ego Franciscus Paparonius romanus
Ego Hippolitus Pintassius

Ego Fabritius Speculus rector
Ego Dominicus Gallinella bidellus
Ego Cesar Barouus de Sora achademicus
Ego Flaminius Roscius achademicus
Ego Gaspar de Mercado achademicus
Ego Hippolitus Pintassus achademicus
Ego Diomedes Ianega do Caleno
Ego Franciscus Miss<inus> manu propria
Ego Marius Sabatinus ut<...>
Ego Dominicus Camposiccus
ut<...>¹⁰

¹⁰ Две последние подписи оканчиваются аббревиатурами, которые раскрыты не удалось.

Fuerunt promulgatae suprascriptae leges die prima Junii anno salutis Millesimo Quingentemiso Quinquagesimo Sexto. Omnibus approbantibus.

[Dorso] 1556 Accademiae Tiberinae sanctiones subscriptae <...>¹¹
Dominicus Gallinella academicus.

A. fasciculus a. N 58.

ПЕРУШИМЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ТИБЕРСКОЙ АКАДЕМИИ

Мы — Петр Грифиус, римлянин, ректор, Франциск Папаронус, римлянин, распорядитель,¹² Иоанн Доминик Гельфус, римлянин, Гаспар де Меркадо, римлянин, Ипполит Пинтассус, — стремясь соблюдать столь надежные законы, чтобы они легли в основу сообщества, и изгнав все смуты и тяжбы, сохраняли бы его в состоянии вечного мира, сочли достойным делом снабдить с божьей помощью нашу Академию прочным основанием нижеиследующих перушимых установлений.

[1] Раздел I. Об Академии.

Постановляем пополнять нашу Академию только до числа десяти академиков.

Устанавливаем прежде всего, чтобы каждый в свой черед постоянно участвовал в чтениях или диспутах — в зависимости от того, как в это время распределены обязанности. Пусть, однако, никто из не принадлежащих к нашему числу не войдет в Академию без предварительного согласия ректора.

[2] Раздел II. О включении в число академиков.

Того, кто хочет быть причислен к составу академиков, пусть принимают следующим образом. Вначале пусть ректор выяснит, подходит ли он для того, чтобы быть представленным, и если будет признан достойным, пусть ректор предложит его кандидатуру, а затем пусть он сам представляет собственные интересы, но так, чтобы каждый присутствующий имел возможность свободно высказаться, если кто-либо захочет сказать что-то против кандидата. Потом кандидат может быть принят, если будет одобрен двумя третями голосов собравшихся.

[3] Раздел III. Об избрании на должности.

Устанавливаем в нашей Академии одного ректора, одного претора, одного распорядителя, желаем, чтобы они были в расцвете творческих сил.

Ректор должен избираться так, чтобы имя его вытягивалось из урны по жребию.

¹¹ Эта часть дорсальной надписи неразборчива.

¹² При переводе слова *bidellus* употреблению чуждой русскому языку транскрипции «биделло, биделлюс» мы предпочли слово «распорядитель», как более ясное в обиходе русского языка, хотя и не вполне передающее смысл.

Распорядителя пусть выбирает ректор, а служба его пусть кончается с окончанием полномочий ректора.

Назначаем выборы этих должностей раз в пятнадцать дней.

[4] Раздел IV. Об обязанностях ректора.

В обязанности ректора входит: заниматься делами Академии, заботиться о желающих выступить с научными сообщениями, являть собой авторитет, стоять на страже законов, обеспечивать тишину, пресекать распри.

Пусть ректор взыскивает пени, которые затем передает распорядителю.

И да будет известно, что при голосовании голос ректора считается за два.

[5] Раздел V. Об обязанностях претора.

Власть претора распространяется лишь на диспуты, с тем чтобы он улаживал споры тех, кто больше шумит, чем ведет обсуждение.

[6] Раздел VI. Об обязанностях распорядителя.

Пусть распорядитель сообщает дни докладов, которые надлежит обсудить, и также объявляет дни собраний; хотим, чтобы он являл должнейшее послушание указаниям ректора.

В дни собраний в его обязанности входит собирать избирательные голоса и представлять их на общее обозрение, чтобы не было обмана.

Пусть распорядитель получает у ректора пени, взысканные с академиков, и вносит их в находящуюся в его ведении казну.

[7] Раздел VII. Об обязанностях академиков.

Академики да окружают ректора должным уважением, а друг к другу пусть относятся доброжелательно, чтобы полностью избежать брани, гнева и раздоров.

Устанавливаем также, чтобы дважды в месяц академики выносили на обсуждение поочередно несколько, но не менее пяти тем.

Каждый день пусть каждый из нас высказывается публично по крайней мере по двум вопросам.

Устанавливаем соблюдение такого порядка для обсуждений: пусть первая очередь при обсуждениях принадлежит ректору, а последовательность остальных пусть распределяется по жребью, но чтобы никто не дерзнул перебивать других, пока ответ не будет доведен до конца.

Никто да не войдет в нашу Академию с оружием.

[8] Раздел VIII. О пениях.

Всякий, кто не придет в Академию в заведенное время, подвергается пене в пять оболов, и это же устанавливаем для тех, кто в этот день не участвует в чтениях; если же не придет тот, кто принимает участие в чтениях, для того пеня удваивается.

Если же в день собрания не придет тот, кто должен вести обсуждение, на него налагается пеня в четверном размере, на остальных же — в двойном.

Если кто-то прибегнет к обману при голосовании, да будет познан за нечестность.

Если кто-то откажется от участия в обсуждениях, то присуждается к ординарному штрафу, если же откажется трижды — пусть будет познан за неадекватность.

Постановляем, что для законов, которые подлежат добавить, нужно добиться общего одобрения, а с необходимостью отмены законов должны быть согласны все. Судьей этих законов устанавливаем ректора.

Я, Доминик Гельфус, ректор
Я, Гаспар де Меркадо, распорядитель
Я, Петр Грпффус, римлянин
Я, Франциск Папаронус, римлянин
Я, Иполит Пинтассус

Я, Фабриций Спекулюс, ректор
Я, Доминик Галликелла, распорядитель
Я, Цезарь Баронус де Сора, академик
Я, Фламминий Росциус, академик
Я, Гаспар де Меркадо, академик
Я, Иполит Пинтассус, академик
Я, Диомед Ианега де Калено
Я, Франциск Миссшвус, собственноручно
Я, Марий Сабатинус<...>
Я, Доминик Кампоспккус<...>

Вышеозначенные законы были обнародованы в первый день июня тысяча пятьсот пятьдесят шестого года. При всеобщем одобрении.

Дорсальная надпись: Нерушимые установления Тибрской академии подписаны <...> Доминик Галликелла академик.

А связка а № 58.¹³

Л. Л. АЛЪБИНА

РАБОТА ВОЛЬТЕРА НАД СОЧИНЕНИЯМИ ПО ИСТОРИИ ФРАНЦИИ

Универсальный историк Просвещения Вольтер в своем творчестве обычно привлекал обширный фонд печатных и доступных ему рукописных источников.¹ При написании работ, посвященных дале-

¹³ Эта строка является, по видимому, топографическим обозначением, свидетельствующим о бывшей принадлежности документа какому-то архиву.

¹ Voltaire. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations: Introduction et notes par J. Marchand. Paris, 1975. P. 7.